

Вечерняя Москва

г. Москва

14 ОКТ. 1955

"СКАЗКИ ШАХРАЗАДЫ"

МОЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

МНЕ вспоминаются слова великого Горького: «Среди великолепных памятников устного народного творчества «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным. Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отделиться «чарованию сладких вымыслов», свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока — арабов, персов, индусов. Это словесное тканье родилось в глубокой древности; разноцветные шелковые нити его простерлись по всей земле, покрыв ее словесным ковром изумительной красоты».

Прошло уже больше двухсот лет с тех пор, как знаменитый французский рассказчик Антуан Галлан познакомил французскую публику с неизвестным до тех пор в Европе сборником арабских сказок «1001 ночь». Это дивное народное — в лучшем и подлинном смысле этого слова — творение не перестает пленять воображение читателей всех стран и возрастов.

Парижские студенты не давали спать первому рассказчику «Сказок Шахразад» Антуану Галлану, приходили к нему под окна, требуя от него все новых и новых рассказов. Писатели всех времен и народов испытывали на себе влияние «1001 ночи».

В предисловии к восьмитомному изданию «1001 ночи» русский переводчик о арабского языка и комментатор этого величайшего народного творения М. Салье напоминает о том, что арабские сказки нравились Пушкину, о чем свидетельствует запись в его дневнике. Впервые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского и заинтересовав-

шись ими, Пушкин приобрел себе одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке.

Появление первого полного русского перевода дало мне возможность познать «Шахразаду» во всей ее полноте. Захотелось перечувствовать свое юношеское к ней отношение, и мне показалось, что «Шахразада» не должна оставаться лишь увлекательным чтением, растянутым на восемь томов и на полтора месяца чтения.

Когда я читал и интерпретировал перед советским слушателем великий армянский эпос «Давид Сасунский» или гениальное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», меня пленяли героика и патриотизм этих великолепных памятников народного творчества. Я считал, что чтец как мастер художественного слова должен в своей области быть мыслителем и своеобразным литературным критиком, который в плане своих творческих устремлений будет отбирать наиболее значительное, правильно оценивая отобранное, верно интерпретируя его и отбрасывая все лишнее и ненужное.

С этих позиций я подходил и к своей работе над «Сказками Шахразад», которую я хочу показать нашему слушателю в ближайшее время. В пяти о лишим тысячах страниц «Шахразад» я хотел увидеть, выделить и выделить — если можно так сказать — курьезом ее здоровый, полнокровный оп-

тимизм, ее глубокое дыхание, мудрое и философское восприятие жизни.

Не только сказку со всеми ее дивными компонентами, не только изумительные афоризмы «1001 ночи», не только яркие, ароматные поговорки и пословицы. Все это — вернее элементы всего этого — я сохранил. Но, пересмотрев соотношение отдельных частей «Шахразад», переместив центры тяжести и переставив внутренние акценты, я решил в «Сказках Шахразад» подчеркнуть наше отношение к женщине. Мне захотелось сказать моему слушателю, молодому в особенности, что жизнь сложна и многообразна и наша новая, социалистическая, общечеловеческая мораль требует глубокого уважения и горячей, возвышенной любви к женщине.

Придерживаясь этой линии, мне пришлось перерабатывать материал, оставаясь, однако, в строгих рамках текста. Тут дело, конечно, не в одних только купюрах. На протяжении своей многовековой литературной истории «1001 ночь» анала множество сборников, объединяющих под этим заголовком лишь от 15 и до 100—150 сказок.

Моя задача заключалась в том, чтобы основной моей идее было подчинено все ароматное и вкушное, что было на пышном пирушестве слов и образов в «1001 ночи». От такой перестановки существенно менялись светотени, на новом месте и в новом соседстве слова и образы приобретали новое звучание.

Свою новую работу «Сказки Шахразад» я покажу московскому слушателю в середине ноября.

Сурен КОЧАРЯН,

мастер художественного слова,
заслуженный деятель искусств.